

Екатерина Колычева

Pål Kolstø. Family, Sex, and Faith: The Biopolitics of the Russian Orthodox Church. Ithaca, NY: Northern Illinois University Press, 2025. 324 pp. ISBN 9781501779411.

Екатерина Колычева, факультет антропологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. ekolycheva@eu.spb.ru.

В октябре 2024 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев) направил письмо беременным женщинам, участвующим в проекте «Здравствуй, мама!», направленном на сокращение количества абортов в регионах России. В сокращении содержание письма следующее:

Вы переживаете сейчас особое время, когда совершается великое Божие чудо: готовится к приходу в мир новый человек. От всего сердца поздравляю Вас с этим судьбоносным событием в Вашей жизни. [. . .] Помните, что Вы не одни – рядом с Вами люди, готовые поддержать, проявить заботу и участие. Надеюсь, что вскоре, усилиями и волею своих родных, младенец приобщится ко Христу в Таинстве Крещения и получит возможность возрастать духовно в спасительной благодати Божией¹.

У российского читателя, вероятно, не вызовет удивления письмо, в котором проявляется смешение христианского дискурса с биополитическим. Подобную ситуацию в рамках науки о религии принято относить к «постсекуляризму», которому, как пишет религиовед Дмитрий Узланер, свойственна «размытость, текучесть, когда устоявшиеся границы, константы и определения, касающиеся религии/светского, оказываются подвешенными, поставленными под сомнение» (2020:130). По мнению социолога Кристины Штекль, в российском контексте можно говорить о существовании «гражданской религии»² (см. Stoeckl 2020), под которой понимается совместное с государством производство смыслов и контроль над гражданами со стороны Русской православной церкви (РПЦ). В этом процессе формируется единый набор так называемых традиционных ценностей, нередко включающих антизападные, антимодернистские и недемократические установки. Исследованию проявлений постсекуляризма в биополитике российского государства посвящена новая монография профессора русистики университета Осло (Норвегия) Пола Колсто «Family, Sex, and Faith: The Biopolitics of the Russian Orthodox Church».

Книга затрагивает проблему защиты «традиционных ценностей» через взаимодействие государства и церкви. В более узком смысле Колсто интересуют биополитические вопросы, по которым государство и церковь либо сходятся (вопро-

¹ «Патриарх Кирилл написал письмо беременным», РИА Новости, 19 октября 2024 г., <https://ria.ru/20241019/patriarkh-1978869484.html>.

² В своем определении гражданской религии Штекль не использует значения, предложенные Робертом Белла, но опирается на дефиницию Жослин Сезари (Stoeckl 2020:48).

сы демографии, домашнего насилия, патриархального уклада семьи), и в этом смысле понятие греха приближается к понятию «правонарушение» (с. 181), либо, напротив, расходятся (проблемы разводов, аборт, добрачных сексуальных связей). Задача книги Колсто – продемонстрировать, как современная православная этика используется «для регулирования жизни верующих и как верующие на это реагируют» (с. 9). Главный тезис автора заключается в утверждении неоднородности взглядов на биополитику внутри РПЦ (с. 7–8), что обусловлено отсутствием догматически и иерархически непоколебимого духовного авторитета и, следовательно, вариативностью трактовок вероучения (см. Kizenko 2013).

Монография отчасти написана на материалах проекта «LegitRuss», функционирующего с 2020 года. В рамках проекта в России среди российских граждан (не обязательно верующих) в шести регионах страны был проведен опрос, касавшийся семейной этики (с. 201–207). Некоторые его результаты отражены в 12-й главе книги. Основным методом Колсто стала цифровая этнография: автор анализировал популярные православные и новостные сайты, рассматривая публичные дебаты по поводу различных биополитических вопросов внутри РПЦ; однако в монографии отсутствует методологическая рефлексия и диалог с академическими исследованиями, написанными в русле цифровой антропологии.

Книга состоит из 13 глав. Первые две очерчивают область используемых автором теоретических концепций и дают понимание того, какие внутрицерковные действующие лица воспроизводят биоэтику и осуществляют надзор за поведением верующих. Главы с 3-й по 11-ю представляют собой компендиум материалов публичных дебатов православных священнослужителей. В 12-й главе сопоставляются материалы, собранные Колсто с использованием методов цифровой этнографии, и данные опроса, полученные в рамках проекта «LegitRuss». Последняя глава является компаративистской: автор пытается нащупать точки соприкосновения между биополитикой церкви и государства в других странах.

В первой главе Колсто обсуждает границы центрального для исследования термина «биополитика». Для определения понятия автор обращается к работам Мишеля Фуко, однако использует термин скорее формально. Одним из важнейших методов реализации биополитики является контроль над сексуальной жизнью граждан (с. 16). Важно, что «биополитические нормы усваиваются субъектами, а не осуществляются сверху посредством актов или угроз насилия» (с. 18). Началом биополитической постсоветской повестки РПЦ можно считать принятие на Архиерейском соборе в 2000 году документа, получившего название «Основы социальной концепции Русской православной церкви». В нем отражены принципы, на которых строятся отношения церкви и государства.

При рассмотрении обстоятельств, приведших к увеличению степени влияния христианской этики на государственные решения, Колсто апеллирует к опыту переживания РПЦ антирелигиозной кампании в СССР, когда «главной заботой церкви в условиях враждебного коммунистического режима было просто сохранить жизнь и служить (немногочисленным) верующим» (с. 6). После распада СССР не только прекратились гонения на верующих, «но и церковь стала активно влиять на общество» (с. 1), заручившись крепкими связями с членами государственного аппарата.

Колсто рассказывает о разногласиях по биополитическим вопросам внутри РПЦ, описывая отношения священнослужителей к институту брака и разводам, сексу, домашнему насилию и гендерному неравноправию. В 2015 году на сайте Московской патриархии были опубликованы два кодекса «О церковном браке». В документах провозглашалась необходимость совершения таинства венчания, сопутствующего регистрации гражданского брака (с. 52–53). Убеждение в обязательности процедуры не является повсеместно распространенным среди служителей церкви, однако в некоторых случаях священники не допускают к причастию людей, пренебрегших ею. На сайте Межсоборного присутствия РПЦ комментаторы раскритиковали первый проект кодекса, высказав мнение, что брак заключается через половой акт (с. 53). Закономерным следствием такого закрепления брака является деторождение³, признаваемое таким образом «единственно возможным оправданием секса» (с. 162). Подобная точка зрения не могла вызвать одобрения со стороны других комментаторов хотя бы из-за того, что фактически потворствовала незарегистрированному сожительству, что в некоторых случаях считается грехом, с которым активно борется «консервативно» настроенная часть православных священнослужителей (см. Панченко 2022:109) (с. 91–95). Протоиерей Дмитрий Смирнов радикально высказался о женщинах, живущих в незарегистрированном сожительстве, назвав их «неоплачиваемыми проститутками», что вызвало критику со стороны других священнослужителей и государственных служащих (с. 66–67).

На подобные рассуждения влияет и консервативный взгляд на брак как союз неравных партнеров: «“патриархат” и подчинение женщины являются неотъемлемыми элементами русского православного понимания института брака» (с. 55). Семья в православии воспринимается как обязательно многодетная, что подкрепляется не только ссылками на Священное Писание (в частности, Быт. 1:28, 1Тим. 2:15), но и на демографическую ситуацию в стране (с. 148–150). Биополитические аргументы в некоторых случаях соседствуют с конспирологическими националистическими идеями о зловещем вражеском (в смысле либеральном западном) стремлении «уничтожить русскую нацию» (с. 168). К числу «влияний Запада» некоторые особенно консервативно настроенные священнослужители относят не только движение *childfree* и феминизм (с. 81), но также ювенальную юстицию (с. 104–107) и законопроекты о препятствии семейному насилию (с. 124–127). Колсто пишет, что «биополитика на макроуровне зависит от анатомополитики на микроуровне. Для многих людей в РПЦ сохранение нравственной чистоты молодежи и выживание русской нации – это не две отдельные цели, а скорее две стороны одной медали» (с. 195).

Традиционная семья, по мнению Колсто, – это «нуклеарная гетеросексуальная семья в том виде, в каком она сложилась в Советском Союзе» (с. 4). Автор отвергает идею о дореволюционном происхождении представления о традици-

³ Формируются целые списки, содержащие сведения о том, какие сексуальные практики в «законном» сожительстве являются приемлемыми, а какие – нет (с. 97–98). Различно также отношение к использованию средств контрацепции: кто-то осуждает использование и противозачаточных средств, а кто-то говорит о греховности использования исключительно абортивных контрацептивов (с. 158–164).

онной семье: в императорской России «крестьяне часто жили не только тремя поколениями вместе, но и с несколькими братьями в одном доме, с их женами и детьми. Сегодня российская семейная структура совсем другая, даже РПЦ не стремится реанимировать дореволюционную модель [семьи]» (с. 4). Оппозиционную Колсто точку зрения занимают исследовательницы, в чьих статьях, напротив, утверждается зависимость современного проекта «традиционных ценностей» от дореволюционной модели семейных отношений (о связи между канонизацией царя Николая II и проектом формирования моральной и семейной идентичности в современной России см. Rousselet 2011; о точке зрения православных активистов на происхождение патриархальных семейных ценностей см. Luehrmann 2019).

Наименьшую солидарность с церковью государство выражает в отношении антиабортной политики. Споря со своими предшественниками (с. 133), Колсто утверждает, что РПЦ не влияет на государственную политику по отношению к абортам. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» аборт позиционируется как «убийство» и «тяжкий грех». Но к этому христианско-антропологическому обоснованию недопустимости абортов примешивается анатомополитическое (в терминологии Фуко): утверждается влияние аборта на физическое и ментальное здоровье матери (с. 134–135). Один из основных аргументов РПЦ против абортов заключается в утверждении наличия души у эмбриона. Ряд ограничивающих права женщин на аборт законопроектов, которые учитывали позицию РПЦ на этот счет, не были приняты в Государственной Думе. Колсто описывает изменение государственной политики в отношении абортов, начиная с их легализации в 1920 году большевистским режимом, запрета на аборт в годы правления Иосифа Сталина до «ужасающе» высокого уровня абортов в послевоенное время и падения числа подобных операций в 2016 году (с. 132). В путинской России были введены некоторые ограничения на совершение абортов (с 1-й по 12-ю неделю разрешено проведение операции без назначения врача, после 12-й и до 22-й недели – только по специальным показаниям), но в целом политика по отношению к ним остается довольно либеральной (с. 136). Активное включение православных активистов в антиабортную кампанию РПЦ сопровождалось эскалацией риторики: аборт все чаще характеризовался не просто как «убийство», но как «массовое убийство», «геноцид» или «жертвоприношение» (с. 141–142).

Колсто завершает разговор о постсекулярной сущности российской биополитики рассуждениями о возможных параллелях между позицией РПЦ в отношении семьи и религиозным консерватизмом на других континентах. Общий знаменатель биополитической идеологии всех «христианских правых» заключается в «общем акценте на первостепенной ценности *сообщества* и взгляде на то, что люди должны рассматриваться прежде всего как члены сообщества, которому они обязаны подчиняться», что «накладывает строгие ограничения на право индивидов устраивать свою личную жизнь, в том числе сексуальную, в соответствии с собственными предпочтениями и желаниями» (с. 220). Анализ результатов опроса «LegitRuss» показал, что «по многим важнейшим вопросам РПЦ сегодня

идет не в ногу со своей паствой. [...] В условиях, когда общественное мнение не готово принять социально-консервативную программу РПЦ, церковь так и не смогла стать доминирующим в российском обществе проводником моральных норм» (с. 215).

Несмотря на тщательное описание множества противоречий внутри РПЦ по вопросам биополитики, Колсто не предпринимает попытки теоретически осмыслить основания этих разногласий, проистекающих, вероятно, из институциональной специфики РПЦ. Разногласия в области биополитики в интерпретации автора предстают как преимущественно верхушечный процесс, исключая влияние со стороны мирян и приходского духовенства, что сближает описываемую ситуацию с понятием «викарная религия» (Davie 2007). Подобный подход иллюстрируется следующей цитатой автора: «Уникальность российской ситуации заключается в том, что речь идет не о каком-то феномене, а о национальной церкви, обладающей значительным политическим влиянием и претендующей на то, чтобы говорить от имени десятков миллионов своих приверженцев» (с. 6). Несмотря на заявленное намерение исследовать, каким образом РПЦ использует биополитический дискурс для регулирования жизни верующих и как последние на него реагируют (с. 9), привлеченный автором эмпирический материал не позволяет составить представление о восприятии этих процессов со стороны самих мирян. Тем не менее монография Колсто интересна как аналитический компендиум проявлений постсекуляризма в биополитике российского государства, формирующих феномен гражданской религии, и будет полезна исследователям, занимающимся изучением постсекуляризма, религиозной политики и православной этики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Панченко, Александр. 2022. «“Нарративы тревоги” и скрытые онтологии: протесты против вакцинации в “консервативном православии” и их культурный контекст». *Versus* 2(3):106–125. <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2022-2-3-106-125>.
- Узланер, Дмитрий. 2020. *Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Davie, Grace. 2007. “Vicarious Religion: A Methodological Challenge.” Pp. 21–36 in *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*, edited by Nancy T. Ammerman. Oxford: Oxford University Press.
- Kizenko, Nadieszda. 2013. “Feminized Patriarchy? Orthodoxy and Gender in Post-Soviet Russia.” *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 38(3):595–621.
- Luehrmann, Sonja. 2019. “‘Everything New that Life Gives Birth To’: Family Values and Kinship Practices in Russian Orthodox Antiabortion Activism.” *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 44(3):771–795. <https://doi.org/10.1086/701160>.
- Rousselet, Kathy. 2011. “Constructing Moralities Around the Tsarist Family.” Pp. 146–167 in *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*, edited by Jarrett Zigon. New York: Berghahn.
- Stoeckl, Kristina. 2020. *Russian Orthodoxy and Secularism*. Leiden, Netherlands: Brill.